

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.19

С.А. СЕМИНА

УДК 334.713

ББК 63.3(2)613

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

Освещаются тенденции в развитии кустарного производства в условиях признания рыночных отношений, механизмы социально-экономического стимулирования к кооперативным формам объединения, трудности перехода кустарной промышленности в кооперацию, итоги и результаты социально-экономического развития кустарного производства к концу 1920-х гг.

Ключевые слова: кустарная промышленность, промысловая кооперация, кустарная артель, промысловый союз.

S.A. SEMINA

NEW TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF HANDICRAFT INDUSTRY in IRKUTSK PROVINCE IN the SECOND HALF of the 1920s

The article highlights trends in the development of handicraft production in the conditions of recognition of market relations, mechanisms of socio-economic incentives to cooperative forms of Association, difficulties of transition of handicraft industry to cooperation, results and results of socio-economic development of handicraft production by the end of the 1920s.

Keywords: handicraft industry, trade cooperation, handicraft artel, trade Union.

Середина 1920-х гг. ознаменовалась признанием рыночных отношений, которые неизбежно влекли за собой сложную сеть взаимоотношений между отдельными кустарями, кооперативными артелями и государственными организациями. В этих условиях формировались новые тенденции в развитии кустарной промышленности.

Первая тенденция связана с созданием экономических стимулов для кооперативного объединения кустарей. Выражалось это в предоставлении преимуществ в налоговой политике. Декретом ВЦИК и СНК от 7 декабря 1923 г. «О промысловом налоге» от уплаты промыслового налога освобождались члены артелей, работающих в общей мастерской, а также артели с полугодовым оборотом менее 10 тыс. руб. [7, с. 404–405.] Размер промыслового налога снижался на 50 %, если артель сбывала изделия только своего производства, и на 25 % — изделия посторонних

лиц, некооперированных кустарей. Большие налоговые льготы были для артелей, входящих в кооперативные союзы, они либо освобождались от налога, либо оплачивали только патент, избавляясь от уравнительного сбора. То есть налоговое законодательство стало в целом работать в направлении создания для промысловых кооперативов реальных преимуществ по сравнению с частным сектором экономики.

Стимулирование к кооперативному объединению выражалось и в подборе помещений, выгоды совместной заготовки сырья и сбыта продукции, а также в авансировании при выдаче государственных заказов. На региональном уровне в 1925 г. возникло Иркутское объединение кустарей и ремесленников, которое подготовило создание в 1926 г. кооперативного кустарно-промыслового союза.

Со второй половины 1920-х гг. в связи с правительственной программой по усилению промышленного развития производственный характер кооперативных артелей становится преобладающим. В союз не входили объединения, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье, а кооперация в области охотоведения и рыболовства была выделена в самостоятельные промысловые союзы.

Однако на начальном этапе своей работы (до 1928 г.) Иркутский кооперативный кустарно-промысловый союз столкнулся с рядом трудностей: организационная слабость, плохо налаженное снабжение кустарей сырьем и сбытом их изделий, тяжелое финансовое положение и др. Долгое время артели действовали самостоятельно, снабжение сырьем и сбыт готовой продукции производили бессистемно. Финансовая слабость промысловых кооперативов на первых порах приводила к зависимости от частного скупщика и вынуждала прибегать к его посредничеству. В этом заключается вторая тенденция.

Основной базой для приобретения сырья многих кустарно-промысловых артелей являлся местный рынок, то есть сырье приобреталось не по генеральным договорам с заготовителями, а по сделкам с частными торговцами. Так, артель «Первый Иркутский шапочник-кустарь», созданная в апреле 1926 г. в составе 5 человек, сырье и материалы для производства получала у частных лиц, им же сбывала свою продукцию, практически не имея связей с госучреждениями [2, оп. 1, д. 782, л. 2].

Поскольку вся розничная торговая сеть в губернии обслуживалась частными торговцами, то их доля в торговых операциях мелкой и кустарной промышленности также была преобладающей. Чаще всего частник-скупщик выступал посредником между кустарем и рынком, являлся организатором производства и сбыта изделий кустарей. Кустарно-промысловые предприятия Иркутского, Тулуновского и Киренского округов в массе своей работали на заказ — 92,2 % кустарной продукции поступало заказчику и лишь 7,8 % оставалось у кустаря [10, с. 94]. Отсюда

следует, что продукция кустарного производства в очень незначительном количестве выходила на рынок через самого кустаря. В некоторых отраслях цена изделия на 100 % определялась заказчиком, например, в кожевенном, пимокатном и других производствах [3, оп. 1, д. 201, л. 181 об.]. В таких случаях организация сбыта принимала весьма сложные формы.

Таблица 1

**Товарное значение кустарной продукции бывшей
Иркутской губернии в 1927 г.**

Наименование промысла	Стоимость продукции в руб.	% стоимости заказчика
Кожевенный	243 422	56,2
Кузнечный	190 799	94,6
Мебельный	2 357	87,1
Овчинный	26 700	100
Пимокатный	37 130	89,4
Столярный	18 994	81,6
Слесарный	40 582	88,2
Сапожный	97 833	68,6
Чирочный	33 010	95,3
Шорный	6 424	95,6
Кошмо-валяльный	26 511	99,3

Приведенные в табл. 1 [3, оп. 1, д. 201, л. 181 об.] материалы говорят о том, что отрасли по обработке материалов животного происхождения и деревообработка Иркутской губернии почти полностью находились в зависимости от поставляемого заказчиком сырья, т. е. заготовительные операции губернии находились в руках частных лиц, что осложняло объединение промысловиков, зависимых от поставок необходимого сырья.

Из-за хозяйственной и организационной слабости, недостатка средств и сырья кооперативные артели не могли привлечь большие массы кустарей. Эти обстоятельства сформировали третью тенденцию.

Для сравнения: за период с 1924 по 1927 гг. количество кооперированных артелей Сибири возросло в 15 раз (по стране в 1,9 раза), а численность занятых в них лиц — в 10 раз (по стране в 3 раза). Однако оставался большой процент некооперированных кустарей. По Сибири он составил 80,3 % общего количества занятых в кустарно-ремесленной промышленности (80524 человека). Как обстояло дело с процессом кооперирования на территории Иркутской губернии, можно проследить по материалам табл. 2 [2, оп. 1, д. 41, л. 132 об.].

Таблица 2

**Процент кооперирования мелкой промышленности
Иркутской губернии по отраслям производства на 1928–1929 гг.**

Группа производств	Количество кустарей и ремесленников	Из них кооперировано (человек)	%
Одежда и туалет	2989	495	16,5
Деревообработка	2219	197	8,8
Металлообработка	1143	45	3,9
Пищевое	1139	413	36,2
Добыча и обработка камня и глины	698	448	64
Кожевенно-овчинное	509	28	5,5
Химическое	111	88	79,3
Шорное	54	22	40,7
Веревочное	48	26	54,1
Прочие	934	439	47
Всего	9844	2201	22,4

Всего в губернии насчитывалось около 10 тыс. кустарей и ремесленников, из них кооперировано было 22,4 %. Наибольшим количеством кооперированных кустарей и ремесленников отличались пищевкусовая отрасль, производство одежды и туалета, а также добыча и обработка камня и глины. Первые две — отрасли, являющиеся поставщиками предметов массового потребления населения, широкое развитие они получили в городах. Такие имеющие перспективу отрасли, как деревообработка и металлообработка, слабо кооперированы по причине специфики работы. Данным производствам более подходила организация работы в форме закупочно-сбытовых товариществ.

Четвертая тенденция связана с социальной политикой государства в отношении зажиточных хозяйств. Во второй половине 1920-х гг. решающим направлением становится постепенное изживание этой социальной верхушки. В первую очередь власти решили ущемить их положение в области налогового законодательства. Так, налоговая политика Иркутской губернии в 1925–1926 гг. была направлена на сокращение зажиточных хозяйств. Размер сельскохозяйственного налога для кулаков был в 17,5 раза выше, чем у бедняков.

В отношении частного кустарного производства правительство также шло на всевозможные поборы. Причиной этого являлось увеличение за период 1925–1926 гг. оборотов частной предпринимательской промышленности в Иркутске на 160 тыс. руб. В 1925–1926 гг. в обложе-

нии уравнительным сбором состояло 69 частных промышленных предприятий губернии, а в 1927–1928 г. их осталось 33 [1, оп. 1, д. 781, л. 35.]. Причиной сокращения их количества было резкое усиление в 1926–1927 г. изъятий нетрудовых доходов в частных предприятиях — с 30 до 45 %. Несколько ранее был увеличен промысловый налог, который в среднем был в 2–2,4 раза выше для частных предприятий по сравнению с государственными и кооперативными. Так с оборота государственных промышленных заведений в виде налога взимались 0,5 %, с кооперативных — 0,7 %, с частных — 1,3 % общего оборота предприятий.

Обратной стороной этих мероприятий стала маскировка владельцев частных кустарных предприятий под кооперативную деятельность. Личное участие таких предпринимателей состояло в осуществлении функций руководителей и администраторов промысловых артелей. Появляются так называемые «лжекооперативы» или «дикие» артели, деятельность которых прикрывалась кооперативной вывеской для использования социальных льгот и налоговых преимуществ.

Систематические проверки социального состава артелей способствовали постепенному вытеснению частного производителя из мелкой и кустарно-ремесленной промышленности.

Пятая тенденция определялась созданием приоритетных условий для привлечения в промысловые артели безработных и бедноты. В конце октября 1923 г. Наркомтруд издал положение «О трудколлективах из безработных», согласно которому безработные, зарегистрированные на биржах труда, имели право создавать артели на льготных условиях, получать кредиты на закупку сырья и материалов и освобождались в течение 6 месяцев от уплаты промыслового и проходного налогов. Это положение способствовало снятию напряженности с безработицей.

Деятельность безработных коллективов Иркутской губернии на 18 августа 1925 г. заключалась в работе сапожно-чирочной, портновско-пошивочной мастерской, хлебопекарне, столовой, объединении металлистов и музыкантов [5, оп. 1, д. 24, л. 252].

Особенностью многих из них являлось наличие большого количества членов, среди которых было немало женщин. Заработная плата у них была ниже, чем у мужчин, но сам факт возможности заработка снимал социальную напряженность. Помимо этого, в отношении налогообложения безработных коллективов и малообеспеченных слоев населения, входящих в промысловый союз, была предусмотрена система льгот. Так 30 % хозяйств Иркутской губернии, в основном бедняцкие, были освобождены от налога и до 40 % имели льготные условия [8, с. 52, 56]. Создание приоритетных условий для участия в промысловых артелях бедноты привело к их численному превалярованию. В Иркутский про-

мысловый союз в 1926 г. входило 65 % бедняков, 30 % середняков и 5 % зажиточных слоев [3, оп. 1, д. 201, л. 41 об.].

Общий итог социально-экономического развития кустарного производства на 1929 г. представлен в табл. 3 [4, оп. 1, д. 1072, л. 54]. Если за 1927–1928 гг. было кооперировано почти 25 % кустарей, то в следующий год эта цифра возросла на 10 %. Достижение такого результата объяснялось «гонениями» на частное производство и зажиточные хозяйства, а также системой мер, направленных на стимулирование именно кооперативной, легальной деятельности. Небольшой процент удельного веса «диких» артелей объясняется тем, что выявить доходность и валовой оборот таких объединений не представлялось возможным. Единственным выходом в таком случае могла быть ликвидация артелей, что и происходило в результате проводившихся обследований. Основная их часть в 1927–1928 гг. на основе постановления ЦК РКП(б) от 29 июня 1925 г. была вовлечена в промысловые союзы [9, с. 57–59]. Удельный вес «диких» артелей губернии к общему числу кустарных объединений сократился в октябре 1928 г. до 22,6 %, а количество занятых в них лиц уменьшилось почти в 11 раз (с 636 до 50 человек) [3, оп. 1, д. 201, л. 173.].

Таблица 3

**Кооперирование кустарной промышленности
Иркутской губернии в 1927–1929 гг.**

	1927–1928 гг.			1928–1929 гг.		
	Занято лиц	Валовая продукция, тыс. руб.	Удель- ный вес, %	Занято лиц	Валовая продукция, тыс. руб.	Удель- ный вес, %
Кооперировано	2837	4250	24,7	6000	6600	35,6
В «диких» артелях	636	380	2,3	50	110	0,6
Не кооперировано	8480	12450	73	5600	11850	63,8
Всего	11953	170802	100	11650	18560	100

Одновременно с этим произошло сокращение не входивших в кооперацию кустарей — с 8 480 до 5 600 человек. Однако удельный вес последней категории снизился не намного — на 9 %, и он по-прежнему был значителен. Одна из основных причин того, что многие кооперативы оставались вне кооперативной системы, заключалась в чрезвычайной сложности охвата их деятельности. Однако к 1930 г. влияние промыслового союза распространялось на 40,8 % некооперированных предприятий кустарей, работающих на заказ и на сырье скупщиков. Все они оказались связанными с промысловой кооперацией [6, с. 13].

В целом организационная система и финансовое положение кооперации к концу 1920-х гг. были неустойчивыми. Несмотря на правительственные меры, которые делали частное производство менее конкурентоспособным, основная масса кустарей все же продолжала вести самостоятельную производственную деятельность. К 1928 г. лишь треть мелких промышленников Иркутской губернии входила в промысловую кооперацию.

С 1928 г. усиливается вмешательство государства во внутренние дела кооперативов. На основе анкетных биографических данных решался вопрос о включении отдельных граждан в состав кустарно-промыслового союза. Также практически перестал существовать принцип паевого участия в кооперации и его стимулирования через оплату дивиденда. На замену ему были установлены методы определения дифференцированного пая, направленные на массовое привлечение малообеспеченных слоев населения. Весь комплекс этих мероприятий привел к ликвидации самостоятельной деятельности кооперативов и замене опытных кадров, заинтересованных в кооперативной организации труда. Кооперативная деятельность и кустарное производство лишались экономических стимулов, необходимых для развития нормальных производственных и торгово-рыночных отношений.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. р-312 (Фонд Иркутского окружного отдела местного хозяйства. 1926–1930 гг.). — Оп. 1. — Д. 191. — Л. 122.
2. ГАИО. — Ф. р-11 (Фонд Иркутской губернской рабоче-крестьянской инспекции и ее уполномоченных по уездам. 1920–1926 гг.).
3. ГАИО. — Ф. р-836 (Фонд Иркутского окружного отделения Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции. 1927–1930 гг.) — Оп. 1. — Д. 201.
4. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИО). — Ф. р-16 (Фонд Иркутского окружного комитета ВКП(б). 1926–1930 гг.)
5. ГАНИО. — Ф. р-521 (Фонд Иркутского отдела швейников. 1920–1927 гг.)
6. Вильрат В. Г. Мелкая промышленность 13 районов Восточно-Сибирского края / В. Г. Вильрат, Г. Н. Дробышева. — Иркутск, 1930. — 104 с.
7. Законы о кооперации / Сост. М. А. Долматовский. — Москва, 1924. — 403 с.
8. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1917–1961 гг. — Новосибирск : Наука, 1965. — 58 с.
9. Об организационной работе кооперативов всех видов: Постановление ЦК РКП(б) от 29 июня 1925 г. // Партия о промысловой кооперации и кустарной промышленности. — Москва, 1932. — С. 57–59.
10. Соколов М. П. Сельские кустари Восточно-Сибирских округов (по обследованию 1925 г.) / М. П. Соколов, А. Т. Самохин. — Иркутск, 1927. — 122 с.

Информация об авторе

Семина Снежана Александровна — к.и.н., доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Восточно-Сибирский институт экономики и права, 664057, г. Иркутск, ул. Байкальская, 258а, e-mail: snezhkaSem@yandex.ru.

Author

Shezhana A. Semina — Ph.D in History, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, East-Siberian Economics and Law Institute, 258a, Baikalskaya str., Irkutsk, 664057, e-mail: snezhkaSem@yandex.ru.